

М. В. Крюков

КЛАНОВЫЕ ОБЩЕСТВА КИТАЙЦЕВ-ИММИГРАНТОВ НА КУБЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

(К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ ТРАДИЦИОННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ)

Одним из основных средств противодействия неблагоприятным условиям, в которых, как правило, оказывались различные иммигрантские группы в странах Нового Света, было стремление переселенцев объединиться для защиты своих насущных прав и интересов. Создание более или менее замкнутых общин на этнической основе явилось важным фактором, препятствовавшим ассимиляции иммигрантов. Изучение конкретных форм существования этих общин представляет значительный интерес для понимания традиционной социальной организации переселенцев (известно, что именно в небольших группах, оторванных от основного этнического массива, зачастую дольше сохраняются пережиточные формы традиционной культуры). С другой стороны, в иной этнокультурной среде неизбежна определенная трансформация первоначальных социальных институтов, их приспособление к новым условиям.

Проследить этот процесс можно, в частности, на примере истории китайской иммигрантской общины на Кубе¹.

Первые партии китайских кули попали на Кубу в 1847 г.² Вплоть до конца 1870-х годов на остров ввозили исключительно рабочих, заключенных для работ на сахарных плантациях сроком на 8 лет. После заключения в 1877 г. между Китаем и Испанией специальной конвенции начался период «свободной эмиграции» китайцев на Кубу³. Анализ переписей населения Кубы показывает, что в XX в. максимальная численность китайских иммигрантов на острове приходится на 30-е годы (около 30 тыс. чел.)⁴. При этом существенно, что почти 80% китайцев, проживавших на Кубе в 1942 г., приехали в страну в течение 10 лет — с 1917 по 1926 г.⁵, когда было временно отменено запрещение иммиграции, введенное в 1902 г.⁶

¹ Материалом для статьи послужили преимущественно данные газет на китайском языке, выходивших на Кубе и хранящихся сейчас в Национальной библиотеке им. Х. Марти в Гаване: «Хуавэнь жибао» (издавалась с 1914 по 1961 г., с 1917 г. переименована в «Хуавэнь шанбао»; ниже цитируется как ХВШБ); «Миньшэн жибао» (1922—1961 гг., цит.—МШЖБ); «Каймин гунбао» (основана в 1923 г., цит.—КМГБ). Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность сотруднику Национальной библиотеки А. Кастро и коллегам-этнографам Р. Лопесу Вальдесу, Х. Вонг и А. Гевара Куско за помощь и содействие в работе над данной темой во время моего пребывания в Гаване в 1972—1973 гг.

² J. Perez de la Riva. Documentos para la historia de las gentes sin historia: el tráfico de culies chinos.—«Revista de la Biblioteca Nacional J. Martí», Año VI, 1964, № 2; H. B. Morse. The International relations of the Chinese Empire. London, 1923, v. 2, p. 165.

³ G. Tejeiro. Historia ilustrada de la colonia china en Cuba. La Habana, 1947, p. 16.

⁴ «Problemas de la nueva Cuba». N. Y., 1935, p. 38.

⁵ Пань Чу-цзи. Люй гу хуацяо жэньши тунцзи (Статистические данные о китайских иммигрантах на Кубе). Гавана, 1942, с. 13, 14 (на кит. яз.).

⁶ G. Tejeiro. Указ. раб., с. 19.

Первые китайские иммигрантские организации возникают на Кубе в конце 60-х годов прошлого века⁷. Легализация свободного въезда в страну и предоставление китайцам права пользоваться защитой со стороны консульства способствовали появлению таких организаций не только в Гаване, но и в других городах⁸. По данным, приводимым Юй Чжи-цюанем, к началу 90-х годов на острове существовало уже 39 китайских иммигрантских обществ, созданных в 27 городах (в том числе 9 в Гаване)⁹. О структуре и организационных принципах этих обществ известно очень немного. Так, сообщается, что общество «Дацин хуэйгуань», созданное в г. Сагуа-ла-Гранде, ставило своей целью борьбу за поддержку маньчжурской династии. Несколько обществ объединяли выходцев из различных провинций юга Китая; в Гаване функционировало общество «Фукао тан», членами которого были уроженцы Фуцзяни и Чаочжоу, а также «Гуанфукао шэ», объединяющее фуцзянцев, чаочжоусцев и гуандунцев. В г. Карденас существовало общество «Гуанфу тан», состоявшее из уроженцев Гуандуна и Фуцзяни.

Немногочисленные и разрозненные данные о китайских обществах 1860—1890-х годов позволяют все же говорить о том, что их структура и организационные принципы были несовершенными и не позволяли удовлетворительно решать проблему объединения китайских иммигрантов перед лицом трудностей, с которыми им пришлось столкнуться на Кубе.

Так, важнейшим идеологическим фактором, способствовавшим сплочению членов ранних китайских организаций на Кубе, был культ Гуань-гуна, покровителя торговли и богатства. В этом смысле весьма характерен следующий факт, сообщаемый А. Чуфатом. Члены одного из таких обществ должны были перед изображением Гуань-гуна давать клятву в том, что они не станут продавать свои товары по заниженным ценам, чтобы перехватывать покупателей у своих товарищей по обществу. Тем не менее один владелец магазина был уличен в нарушении клятвы. Когда с него потребовали объяснений, он ответил, что Гуань-гун — божество сухопутное и поэтому нет оснований опасаться его кары на острове, затерянном в океане¹⁰.

Несмотря на явно анекдотический характер этого сообщения, оно убедительно свидетельствует, что идеологические узы, связывавшие членов ранних китайских обществ на Кубе, были очень непрочными. Поэтому уже в последнем десятилетии XIX в. в структуре китайских иммигрантских организаций происходят изменения. Многие общества распускаются. На смену им создаются новые. Меняются организационные основы обществ и принципы членства в них¹¹.

Жизненность вновь создававшихся обществ (подавляющее большинство их продолжает функционировать до сих пор) объяснялась прежде всего тем, что их организационные основы (принципы членства) в большей степени соответствовали традиционным для Китая типам социальных связей.

Одной из своеобразных черт социальной организации китайцев является длительное сохранение и активное функционирование социальных ячеек общества, основанных на узах родства. Истоки такого рода организации, называемой по-китайски цзунцзу или цзу (иногда — цзя цзу), уходят в глубокую древность. По своим важнейшим признакам она может быть отнесена к клану (группа родственных семей, сохраняющих определенное хозяйственное и идеологическое единство, внешним выра-

⁷ А. Chuffat. Apunto historico de los chinos en Cuba. La Habana, 1927, p. 18.

⁸ Там же, с. 91.

⁹ МШЖБ, 11—12.IX.1942.

¹⁰ А. Chuffat. Указ. раб.

¹¹ ХВШБ, 2.II.1917.

Таблица 1

Численность наиболее значительных групп китайцев-однофамильцев на Кубе в 1942 г.*

Фамилия	Численность	% от общей численности общины	Фамилия	Численность	% от общей численности общины
Хуан	1706	9,17	Гуань	265	1,43
Ли	1704	9,16	Чжэн	237	1,28
Чэнь	1644	8,89	Цзэн	218	1,18
Линь	751	4,09	Ян	191	1,02
Лю	712	3,85	Ло	188	1,01
У (1)	650	3,51	Цай	183	0,99
Лян	620	3,35	Е	180	0,97
У (2)	539	2,96	Се	162	0,88
Юй	453	2,45	Ван	161	0,87
Чжан	441	2,38	Су	161	0,87
Чжоу	434	2,34	Ляо	149	0,80
Цзян	416	2,25	Цао	147	0,79
Чжу	414	2,24	Ма	144	0,77
Чжао	409	2,21	Дэн	134	0,73
Хэ	401	2,16	Люй	133	0,72
Лэй	374	2,02	Пань	127	0,69
Фэн	349	1,89	Фан	126	0,68
Тань	348	1,88	Чжэнь	111	0,60
Чжун	331	1,79	Сюй	110	0,58
Ху	308	1,61	Цэнь	105	0,57
Гуан	292	1,58	Гао	104	0,56

* Данные взяты из: Пань Чу-цзи. Указ. раб., с. 9, 10.

Таблица 2

Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе

Общество	Фамилии	Относительная численность членов общества, % ко всей общине	Год создания
Лунган цзунгунсо	Лю, Гуань, Чжан, Чжао	9,87	1900
Хуан цзянся тан	Хуан	9,17	1914
Ли лунся цзунгунсо	Ли	9,16	1909
Чэнь инчуань тан	Чэнь	8,89	1921
Аньдин тан	Ху, Лян, У, Чэн	7,82	1923
Чжидэ тан	У, Чжоу, Цай, Вэн	6,84	1920
Шоюань тан	Лэй, Фан, Гуан	5,49	?
Линь сикэ тан	Линь	4,09	1915
Чжаолунь гунсо	Тань, Сюй, Се, Жуань	3,34	1923
Юй фэнцай тан	Юй	2,45	1923
Цзян аньлэ тан	Цзян	2,25	1915?
Чжу пэйго тан	Чжу	2,24	1912
Сань тан	Цзян, Ли, Хэ	2,16	1922
Чжун инчуань тан	Чжун	1,79	1921
Ян цинбай тан	Ян	1,02	?
Е наньян тан	Е	0,97	1956

жением которого является общее наименование членов цзунцзу — фамилия).

Исследователи неоднократно отмечали, что клановая организация, являвшаяся в феодальном китайском обществе основой его социальной структуры, в XX в. сохранилась преимущественно в Южном Китае, главным образом на территории провинций Фуцзянь и Гуандун. Если вспомнить, что исторически китайская иммиграция связана прежде всего именно с этими районами, то становится понятной та исключительная роль, которую играла организация типа цзунцзу в жизни переселенцев.

Как неоднократно отмечалось исследователями, китайская иммиграция в XX в. часто определялась узами родства. Эмигрант отправлялся

туда, где уже обосновались его родственники. Это гарантировало ему наиболее благоприятные условия для устройства на новом месте.

Показательно, что в 1917 г., после опубликования декрета № 1707 о разрешении иммиграции на Кубу, китайское консульство в Гаване перевело декрет на китайский язык, издало его отдельной брошюрой и рекомендовало каждому китайцу-иммигранту приобрести текст декрета и «разослать его своим родственникам в Китае»¹².

Представление об узах родства как наиболее прочной и надежной основе для консолидации группы послужило основой для создания самой значительной категории китайских иммигрантских организаций на Кубе — клановых обществ.

Большинство клановых обществ на Кубе создавалось по принципу принадлежности всех их членов к одной фамилии. Как показывают статистические данные, собранные китайским консульством в 1942 г., среди иммигрантов на Кубе были представлены в то время 153 фамилии. Численность китайцев, носивших одну и ту же фамилию, очень сильно варьировала (табл. 1).

Начиная с первого десятилетия XX в., на Кубе было создано около 20 клановых обществ китайских иммигрантов. Их можно разделить на две группы. Первую из них составляют общества, объединяющие однофамильцев; вторую — общества, членами каждого из которых являются представители нескольких фамилий. При этом к первой группе относятся общества, имеющие наибольшие контингенты однофамильцев; ко второй — те, которые, объединяя сравнительно малочисленные фамилии, в общей сложности достигают значительного представительства своих членов (см. табл. 2).

Образование большинства клановых обществ относится к двум первым десятилетиям XX в. Тем не менее новые общества возникали и в более позднее время. Здесь следует отметить три тенденции.

Во-первых, образовывались общества, члены которых до этого вообще не были объединены по клановому признаку (в качестве примера можно привести общество «Е наньян тан»).

Во-вторых, представители одной фамилии, ранее входившие в какое-либо общество наряду с другими, теперь обособлялись. Так, в 50-х годах образовалось общество «Хуши гунсо» (ранее китайцы по фамилии Ху были членами «Аньдин тан» вместе с Лян, У и Чэн); через несколько лет «Хуши гунсо», впрочем, было распущено и Ху вернулись в общество «Аньдин тан».

Наконец, в-третьих, некоторые общества однофамильцев делились. Происходило это главным образом по политическим мотивам. Так, в частности, в начале 30-х годов часть иммигрантов по фамилии Хуан вышла из общества «Хуан цзянься тан» и создала самостоятельную организацию «Хуан юньшань тан».

Иногда к обществам, включающим несколько фамилий, присоединялись представители какой-то новой фамилии, ранее не имевшей своей клановой организации. Примером такого рода может быть вступление в 1958 г. китайцев по фамилии Жуань в общество «Чжаолунь гунсо», которое до этого объединяло фамилии Тань, Сюй и Се¹³.

Все клановые общества, о которых выше шла речь, были созданы и функционировали в Гаване. Однако в число их членов входили также и иммигранты, проживавшие в других городах Кубы. При этом в наиболее крупных городах создавались филиалы обществ. Так, «Лунган цзунгунсо» имело свои филиалы в Сантьяго, Камагуэе и Санта-Кларе; «Ли лунси цзунгунсо» — в Камагуэе и Санта-Кларе; «Сань тан» — в

¹² ХВШБ, 6.XI.1917.

¹³ КМГБ, 11.VI.1958.

Сантьяго. В остальных городах, где проживали члены того или иного общества, из их числа избирались «представители». В 1940 г. общество «Лунган цзунгунсо» имело своих представителей в 52 городах; «Хуан цзянся тан» — в 44 и т. д.

Одной из характерных черт клановых обществ было то, что организации, объединявшие представителей одних и тех же фамилий и носившие одинаковые названия, существовали не только на Кубе, но и во многих других странах. Поэтому постепенно начала проявляться тенденция к налаживанию связей между соответствующими обществами разных стран и созданию международных клановых организаций.

Наиболее ярким примером этого является, по-видимому, общество «Лунган цзунгунсо» — первая из созданных на Кубе организаций такого типа. Общества, объединяющие Лю, Гуань, Чжан и Чжао, появились в Новом Свете в конце 70-х годов прошлого века. С тех пор число их непрерывно росло и к началу 50-х годов нашего столетия достигло почти полусотни. В 1946 г. была создана панамериканская организация обществ «Лунган цзунгунсо» (с 1955 г. она начала издавать свой собственный печатный орган «Лунган цзикань»). Вскоре было принято решение проводить один раз в три года съезды всех обществ «Лунган цзунгунсо», существующих в различных странах Азии, Океании и Америки. Пятый съезд этих обществ проходил в Гаване в августе 1958 г. На нем присутствовали представители обществ «Лунган цзунгунсо» США, Канады, Мексики, Перу и Кубы, а также 20 местных филиалов (в том числе из Сингапура, Гонконга и Австралии). На съезде обсуждался вопрос об укреплении связей с иммигрантами в странах Азии, о создании паназиатской организации обществ «Лунган гунсо» и на этой основе — Всемирной организации этих обществ¹⁴. Штаб-квартирой Всемирной организации обществ «Лунган цзунгунсо» впоследствии стал Гонконг. Выбирая своих функционеров на очередной срок, гаванское общество «Лунган цзунгунсо» включало в их число и специального представителя во Всемирной организации¹⁵.

Идеологической основой создания «клановых» обществ было представление о родственных узах, связывающих их членов. Вот как обосновывалась эта идея в одном из официальных документов общества «Лунган цзунгунсо»:

«Что больше всего ценится на свете? Жизнь. Чего более всего на свете бывает жалко человеку? Имущества. Но усилий одного человека бывает недостаточно для того, чтобы защитить свою жизнь и свое имущество. Поэтому он вынужден использовать для этой цели силу коллектива. Так возникает мысль об организации общества.

На заре истории люди не имели городов и оружия для самообороны, они кочевали в поисках воды и пастбищ. У них не было общественных организаций. Но постепенно численность населения росла, а опасность в виде стихийных бедствий и угрозы со стороны соседей заставляла их думать о средствах защиты. С этой целью возник клан. Общество и клан — вот орудия защиты жизни и имущества человека.

В странах Европы и Америки создано большое количество обществ, и это отнюдь не случайно... Со временем и наши соотечественники поняли значение обществ. Но если в странах Европы и Америки общественные организации отнюдь не новость, то клановые организации европейцам неизвестны. Такого рода организации свойственны лишь китайцам. Это значит, что у нас есть дополнительный шанс защитить свою жизнь и свое имущество»¹⁶.

¹⁴ КМГБ, 23.VIII.1958.

¹⁵ КМГБ, 30.XII.1972.

¹⁶ ХВШБ, 20.II.1937.

Символом единства членов кланового общества был его «первопредок» — то или иное историческое лицо, которому по традиции приписывалась заслуга основания соответствующего клана. Культ героя-первопредка стал в клановых обществах важнейшим идеологическим началом, цементирующим сплоченность их членов. Почитание основателя конкретного клана пришло на смену культу Гуань-гуна, покровителя вообще всех эмигрантов.

В помещении кланового общества, как правило, имелось изображение «первопредка», ему ежегодно приносились жертвы, что считалось одним из наиболее важных мероприятий в программе деятельности каждого из таких обществ.

Вот как описывает очевидец празднование дня рождения основателя клана Чэнь в обществе «Чэнь инчуань тан» в 1935 г.:

«В торжественно убранном зале внимание привлекает большое белое полотнище, на котором выведены слова „Торжества по случаю дня рождения первопредка Тайцю-гуна“ на китайском и испанском языках; по обе стороны от него портреты нашего предка и его супруги, а также китайский и кубинский государственные флаги. В десять часов утра началась церемония принесения жертв перед портретом предка. Президент общества Чэнь Жун-вэнь, руководивший ритуалом, просит всех встать. Звучит торжественная мелодия. Приносящий жертвы занимает свое место, рядом с ним его помощник. Оба трижды кланяются портретам предка и его супруги, затем зажигают ароматические свечи, ставят на специальный столик вино, мясо и фрукты, а затем снова трижды кланяются...»¹⁷.

Среди «первопредков» фигурируют деятели самых различных эпох в истории Китая. Так, основоположником клана Линь считался некто Би Гань, родственник последнего правителя династии Инь (XI в. до н. э.)¹⁸; общество «Ли лунси цзунгунсо» почитало в качестве своего предка-покровителя древнекитайского философа Лао-цзы¹⁹; основателем клана Лян считался один из учеников Конфуция²⁰; члены общества «Хуан цзяня тан» считали своим «первопредком» некоего Хуан Сяна, чиновника времен Восточной Ханьской династии (I—II вв. н. э.)²¹; общество «Чжу пэйго тан» имело предка-покровителя в лице конфуцианского ученого эпохи Сун (XII в.) Чжу Си²²; основоположником клана Юй, члены которого входили в общество «Юй фэнцай тан», считался чиновник Юй Цзин, прославившийся подавлением восстания чжуан в Южном Китае (XII в.)²³, и т. д.

Название кланового общества состояло, как правило, из фамилии первопредка и наименования того округа (по дореспубликанскому административному делению), откуда он был родом. Так, основоположник клана Хуан был уроженцем округа Цзяня («Хуан цзяня тан»), клана Ли — Лунси («Ли лунси цзунгунсо»), клана Чжу — Пэйго («Чжу пэйго тан») и т. д.

В ряде случаев к фамилии «первопредка» добавлялось двусложное слово, обозначающее его наиболее выдающееся свойство или черту характера — «Ян цинбай тан» (цинбай — «простота и скромность»), «Лян чжунсяо тан» (чжунсяо — «верность и почтительность к старшим») и т. д.

¹⁷ ХВШБ, 18.XI.1935.

¹⁸ ХВШБ, 25.I.1917.

¹⁹ ХВШБ, 6.V.1933.

²⁰ КМГБ, 31.I.1949.

²¹ *Хуан Чжи-цян. Хай вай хуанцзюа туаньти гайкуан* (Общие сведения о клановых обществах Хуан за рубежом). Гонконг, 1970, с. 3 (на кит. яз.).

²² КМГБ, 13.IX.1931.

²³ ХВШБ, 19.III.1937.

С представлением о конкретном «первопредке» — основоположнике клана связано и возникновение клановых обществ, представляющих несколько семейств. В данном случае объединение этих семейств основывалось на реальном или легендарном факте сотрудничества «первопредков» при их жизни. Например, право членства в обществе «Чжидэ тан» имели китайцы, носившие фамилии У, Чжоу, Цай, Вэн. Считалось, что соответствующие кланы были созданы сыновьями У-вана, первого правителя династии Чжоу (XI в. до н. э.): один из них наследовал престол отца, другие же основали царства У, Цай и Вэн, названия которых позднее стали фамилиями²⁴.

Аналогичным образом объясняется происхождение общества «Лунган цзунгунсо» (фамилии Лю, Гуань, Чжан, Чжао). Согласно исторической традиции, в смутное время после падения династии Хань (III в. н. э.) три друга Лю Бэй, Гуань Юй, Чжан Фэй дали в персиковом саду клятву верности и союза:

«Мы, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, хотя и не одного рода, но клянемся быть братьями, дабы, соединив свои сердца и свои силы, помогать друг другу в трудностях и поддерживать друг друга в опасностях, послужить государству и принести мир простому народу... Царь Небо и царица Земля, будьте свидетелями нашей клятвы, и если один из нас изменит своему долгу, пусть небо и люди покарают его!»²⁵. Позднее к кланам Лю, Гуань и Чжан был присоединен еще один — Чжао. «Объединение четырех семейств Лю, Гуань, Чжан и Чжао восходит к клятве в персиковом саду, — утверждает в одном из документов общества «Лунган цзунгунсо». — Целью этого союза была борьба против жестокости и несправедливости, а достигалась эта цель посредством взаимной помощи и выручки. На протяжении двух тысяч лет представители четырех семейств были братьями и помнили о заветах своих предков, следовали их установлениям»²⁶.

Клановые общества имели такую же сложную внутреннюю структуру, как и обычные кланы. Китайский клан делился обычно на несколько сегментов (тан), которые в свою очередь включали более мелкие подразделения (фан)²⁷. Стремление воссоздать подобную иерархию прослеживается и в клановых обществах на Кубе: большинство из них делилось на объединения более мелкого масштаба (гунсо или люйсо), а те — на фан. Например, общество «Хуан цзянь тан» включало в 30-х годах около двух десятков люйсо. В обществах, объединявших представителей нескольких семейств, создавались подразделения по принципу членства однофамильцев. Так, в составе общества «Аньдин тан» (Ху, Лян, У, Чэн) существовало подразделение «Лян чжунся тан», членами которого были иммигранты по фамилии Лян; в «Чжаолунь гунсо» (Тань, Сюй, Се, Жуань) — «Таньцзя гунсо», объединявшее только Тань, и т. д.

В ряде клановых обществ существовали сегменты, членами которых были однофамильцы — уроженцы одной деревни. В качестве примера можно привести объединение выходцев из дер. Синьцунь (уезда Тайшань) пров. Гаундун, носивших фамилию Ли. Они образовали подразделение общества «Ли лунси цзунгунсо», называвшееся первоначально «Ли синьцунь люйсо». В начале 50-х годов на Кубе насчитывалось несколько сот уроженцев этой деревни, носивших фамилию Ли. Поэтому было принято решение организационно укрепить связи между ними, создав в рамках кланового общества «Ли лунси цзунгунсо» дочернее общество «Ли синьцунь цзычжисо»²⁸.

²⁴ ХВШБ, 5.VI.1950.

²⁵ *Лю Гуань-чжун*. Троецарствие. М., 1954, т. I, с. 19.

²⁶ ХВШБ, 20.III.1917.

²⁷ *Hu Hsien Chin*. The common descent group in China and its functions. N. Y., 1948.

²⁸ КМГБ, 3.I.1952.

Анализируя структуру клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе, необходимо иметь в виду принципиальное различие в объективных условиях, необходимых для восстановления и функционирования клановой организации в иммигрантской среде, которые сложились в странах Юго-Восточной Азии и в странах Нового Света.

Сам характер эмигрантского движения китайцев в страны Юго-Восточной Азии был таков, что создавал благоприятные возможности для воссоздания в новой обстановке традиционных форм социально-бытового уклада. Суть организации кланового типа заключается в иерархичности соподчинения входящих в нее ячеек. Цзунцзу может нормально функционировать, лишь непрерывно ветвясь и создавая новые боковые линии родства. Это возможно только в условиях нормального самовоспроизводства иммигрантской общины.

В тех странах Юго-Восточной Азии, где существовало нормальное соотношение численности иммигрантов по признаку пола, такие условия для функционирования цзунцзу были налицо. Иное дело страны Нового Света.

Организаторы контрактации китайских кули во второй половине XIX в. хорошо понимали необходимость обеспечить удовлетворительную пропорцию между мужчинами и женщинами, вывозимыми на Кубу, что, в частности, специально предписывалось королевским рескриптом 1854 г.²⁹ Однако сам характер контрактации был серьезным препятствием для достижения этого. В результате в 1861 г. среди 34 834 китайцев, находившихся на Кубе, было всего лишь 57 женщин³⁰. Абсолютное преобладание мужчин среди китайских иммигрантов характерно для всех стран Латинской Америки и США в XIX в. В Соединенных Штатах, например, с 1860 по 1910 г. женщины составляли от 3,6 до 6,5% китайского населения, и лишь позднее доля их начинается значительно увеличиваться, достигнув в 1960 г. 42,9%³¹.

Т а б л и ц а 3

Соотношение полов в китайских общинах на Кубе *

Провинция	Всего мужчин	Всего женщин	Мужчины, %	Женщины, %
Гавана	6 268	269	95,9	4,1
Ориенте	1 798	57	97,0	3,0
Камагуэй	1 322	81	94,3	5,7
Санта-Клара	1 273	43	96,7	3,3
Матансас	471	17	96,5	3,5
Пинар-дель-Рио	218	17	92,8	7,2
Всего	11 834	584	95,1	4,9

* Таблица составлена по: «República de Cuba. Censos de población, viviendas y electoral. Enero 28 de 1953». La Habana, 1955, p. 81, 82.

На Кубе в 30-х годах доля женщин среди китайского населения составляла 5%, что совпадало с соответствующим положением в Перу в 1940 г.³² По данным переписи 1953 г., соотношение полов в китайской общине заметно варьировало в пределах отдельных провинций, в целом по стране оставаясь на прежнем уровне (см. табл. 3).

²⁹ P. C. Campbell. Chinese coolie emigration to countries within the British Empire. London, 1923, p. 111.

³⁰ A. L. Valverde. Estudios jurídicos e históricos. La Habana, 1918, p. 43.

³¹ S. Kung. Chinese in American life. Seattle, 1962, p. 33.

³² A. J. Kwong. The Chinese in Peru.—«Colloquium on overseas Chinese». N. Y., 1958, p. 48.

По данным на 1961 г., из общего числа 9735 китайских иммигрантов лишь 1068 (т. е. менее 11%) были женаты на кубинках. Если учесть, что дети от смешанных браков, как правило, считают себя кубинцами и порывают с китайской средой, то станет понятным, почему китайская община на Кубе могла увеличиваться исключительно за счет новых переселенцев. Начиная с 1930-х годов, когда приток новых иммигрантов практически прекратился, она оказалась обреченной на естественное старение.

Совершенно очевидно, что в рамках китайской общины на Кубе, лишенной возможности к самовоспроизводству, клановая организация не могла существовать в тех же формах, которые были характерны для нее как в самом Китае, так и, например, в Сингапуре, Таиланде или Камбодже.

Эта особенность была совершенно правильно отмечена С. Р. Лайгер, которая приходит к выводу, что «для структуры общины-клана в Китае характерным было членение по вертикали (связь поколений, связь потомков и предков), между тем как община китайских эмигрантов создавалась как организация горизонтальной интеграции, объединявшей преимущественно и главным образом людей одного поколения»³³.

Все сказанное выше объясняет нам, почему китайские иммигрантские общества на Кубе, которые рассматривались своими членами как построенные на принципах цзунцзу, в действительности лишь по форме имитировали те прототипы, которые в иных условиях могли функционировать как жизнеспособные организмы.

Для объяснения того, почему эмигранты-однофамильцы, не связанные узами реального родства, могут объединиться в одном клановом обществе, была выдвинута идея о том, что первоначально их предки были родственниками, и поэтому сейчас задача заключается лишь в восстановлении утраченных родственных связей. «За последние 70 лет,— писали в 1917 г. организаторы общества «Линь сихэ тан»,— члены нашего клана начали селиться на Кубе. На родине каждое ответвление клана Линь жило совместно на одной территории, и родственные отношения между его членами фиксировались в генеалогических книгах. Трудно сказать, сколько нас в общей сложности оказалось далеко от родных мест, но, встречаясь между собой, мы по-прежнему ощущаем узы родственной близости»³⁴. «Поддерживать отношения между всеми семьями собратьев по клану, живущих на Кубе, и, следуя заветам предков, помогать друг другу и поддерживать в беде»— так формулируются цели создания общества «Чжидэ тан»³⁵ и т. д.

Взаимопомощь родственников, воссоединившихся благодаря созданию кланового общества, рассматривалась, таким образом, в качестве главной обязанности всех его членов.

Материальной основой такой взаимопомощи был общий фонд, создаваемый главным образом за счет членских взносов. Регулярная регистрация членов общества и контроль за уплатой ими взносов составляли одну из важнейших функций правления, избравшегося в соответствии с уставом ежегодно³⁶. Общий фонд пополнялся также за счет добровольных пожертвований состоятельных членов общества³⁷. Уставы многих обществ предусматривали, что в случае «непредвиденных обстоятельств» собрат по клану может рассчитывать на единовременное без-

³³ С. Р. Лайгер, К вопросу о связях китайской эмиграции с Китаем (вторая половина XIX — начало XX в.).— В кн.: «История и культура Китая». М., 1974, с. 395.

³⁴ ХВШБ, 25.I.1917.

³⁵ ХВШБ, 3.VI.1950.

³⁶ Вступительный взнос составлял обычно 5 сентаво, ежемесячный — 3 сентаво (КМГБ, 2.II.1936).

³⁷ Имена наиболее щедрых жертвователей заносились в мемориальный список, вывешивавшийся в помещении правления общества.

возмездное вспомоществование в размере до 300 песо; для организации похорон члена общества выделялось обычно 20 песо³⁸. На средства общего фонда нанимался адвокат для ведения дела члена общества, привлеченного к уголовной ответственности, а также врач, оказывавший члена общества бесплатную медицинскую помощь.

Стремясь способствовать сплочению своих членов, ряд крупных клановых обществ («Хуан цзянь тан», «Чжу пэйго тан» и др.) выдвигает в 30-х годах идею «совместного проживания». Общество приобретало многоквартирное здание, в котором размещалось правление, а также читальня, медицинский пункт, клуб и т. д. В этом же здании должны были жить и все члены данного общества. Расходы по переезду на новое место жительства оплачивало правление. Сосредоточение всех членов общества под одной крышей должно было способствовать их сплочению и консолидации³⁹.

Укреплению единства членов клановых обществ было призвано служить и создание специальных участков на китайском кладбище в Гаване, разграниченных по принципу принадлежности к той или иной фамилии. Ежегодные праздники поминовения усопших родственников были мощным средством поддержания идеи общности происхождения всех членов кланового общества. Именно эта ритуальная сторона их деятельности оказалась наиболее устойчивой традицией.

Любопытно, что необходимость поддерживать в порядке могилы однофамильцев рассматривалась иногда в качестве побудительного мотива создания соответствующего кланового общества. Это относится, в частности, к «Е наньян тан». Несмотря на то что на Кубе было довольно значительное число иммигрантов, носивших фамилию Е, самостоятельного общества, которое объединяло бы их, долгое время не существовало. Но вот в 1953 г. несколькими китайцам, посетившим кладбище, бросилось в глаза, что большинство могил, принадлежащих членам клановых обществ, находится в хорошем состоянии и исключение составляет только прах их однофамильцев. Были собраны средства и погребения членов клана Е были приведены в порядок. Но без соответствующего общества казалось невозможным регулярно выполнять церемонии поминовения погребенных. Поэтому и началась работа по созданию общества «Е наньян тан», которая успешно завершилась в 1956 г.⁴⁰

Говоря о функциях клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе, следует подчеркнуть два существенных момента.

Во-первых, будучи важной интегрирующей силой, способствовавшей объединению иммигрантов для противодействия неблагоприятным условиям среды обитания, существование клановых обществ во многом поддерживало формирование классового самосознания членов общины.

В китайской прессе, публиковавшейся на Кубе, нередко можно встретить утверждения о том, что социальная дифференциация в среде китайских иммигрантов здесь была выражена слабее, чем в других странах. На Кубе нет таких крупных богачей, как, например, Хуан Чжун-хань или Лу Ю в Малайе, писала газета «Хуавэнь шанбао» в 1917 г.⁴¹ Между

³⁸ КМГБ, 2.II.1936.

³⁹ *Хуан Чжу-бинь*. Дуйюй хуан цзянь тан фачжань танъу чжи шанцюэ (Предложения об усовершенствовании деятельности общества «Хуан цзянь тан»). — КМГБ, 18.I.1936.

⁴⁰ МШЖБ, 27.III.1956. Аналогичное явление имело место, в частности, в Камбодже. Здесь вплоть до конца 1950-х годов практически не было клановых иммигрантских обществ. В 1959 г. муниципальные власти Пномпеня приняли решение перенести на другое место четыре китайских кладбища, после чего группы однофамильцев стали создавать клановые пантеоны, а затем и общества, основанные на клановом принципе (W. E. Willmot. *The Chinese in Cambodia*. Vancouver, 1967, p. 86).

⁴¹ ХВШБ, 3.II.1917.

тем уже в первые десятилетия XX в. на Кубе появляются крупные предприниматели — владельцы магазинов, банкиры. Одной из наиболее типичных в этом отношении фигур был коммерсант Хуан Гуань-е, попавший на Кубу в самом начале века и вскоре создавший большое дело. Он был одним из организаторов общества «Хуан цзянь тан» и газеты «Каймин гунбао»⁴². Что же касается Чэнь Син-мэя, владельца универмага «Ваньбаохуа» на улице Сан-Рафаэль в Гаване, то даже кубинцы называли его миллионером⁴³. Наряду с деятелями этого типа в китайской общине на Кубе постоянно существовала прослойка, которой угрожало полное разорение, что усугублялось последствиями экономического кризиса в стране. Проблема безработицы и китайских нищих, просящих подаяние на улицах Гаваны и тем самым «позорящих доброе имя китайского иммигранта», — одна из основных тем передовых статей в китайских газетах 30—40-х годов.

Клановые общества, пропагандировавшие идею «братства» всех китайцев-однофамильцев, маскировали социальную дифференциацию в среде иммигрантов, и неудивительно поэтому, что первые рабочие организации среди китайского населения Кубы появились в 20-х годах не в Гаване, а на периферии, в провинции Ориенте главным образом. Именно там в 1929 г. коммунист Хуан Тао-бай (Хосе Вонг) начал издавать нелегальную рабочую газету «Гуннун хушэн», разоблачавшую стремление лидеров китайской общины «воспрепятствовать сплочению трудящихся китайцев-иммигрантов на классовой основе»⁴⁴.

Необходимо подчеркнуть также и другую особенность функционирования клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе. Объединение однофамильцев в клановых обществах имело свою оборотную сторону: чем крепче были узы, связывавшие членов одного кланового общества между собой, тем более отчетливо противопоставлялись они другим членам общины.

В этой связи уместно напомнить, что в китайской общине в Бангкоке в конце 40-х годов развернулась дискуссия о целесообразности существования иммигрантских обществ, основанных на регионально-земляческом принципе. Многие молодые китайцы-иммигранты подчеркивали, что узкий регионализм мешает формированию представлений об общности целей и нужд общины в целом⁴⁵.

Критика молодого поколения китайской общины в Таиланде была направлена против землячеств прежде всего потому, что именно региональные связи составляли там основу субструктур общины (в Таиланде проживают китайцы из нескольких южных провинций Китая). На Кубе, где важнейшим принципом сегментации общины была принадлежность к клановой организации, на первом плане закономерно оказалась проблема отношения к объединениям на клановой основе.

Особую остроту вопрос о клановой организации и о соотношении кланового и национального самосознания приобрел на Кубе в конце 30-х годов.

В документах ряда обществ в этот период неоднократно подчеркивалась мысль о том, что клановая организация представляет собой низовую ячейку современного китайского общества. С этой точки зрения создание и укрепление клановых обществ рассматривается как шаг на пути к укреплению китайской государственности. Один из видных деятелей китайской общины писал, например, следующее: «Государство представляет собой совокупность провинций. Провинция состоит из уездов. Уезд включает в себя несколько волостей. А волость или деревня

⁴² МШЖБ, 10.11.1937.

⁴³ КМГБ, 5.X.1949.

⁴⁴ ХВШБ, 26.VIII.1933.

⁴⁵ G. W. Skinner. Leadership and power in the Chinese community of Thailand. Ithaca, 1958, p. 114, 115.

потому может быть волостью или деревней, что основу их составляет цзунцзу. Если мы поймем это, то будет ясно, что цзунцзу является важнейшей ячейкой нашего государства. А раз это так, то объединение и консолидация членов цзунцзу совершенно необходимы»⁴⁶.

Постоянно указывается также на то, что кланы исконно присущи китайскому образу жизни, соответствуют историческим традициям китайцев. «Тот факт, что в Китае существует клановая организация, не есть результат чего-то искусственно привнесенного. Она возникает естественно. Вначале — одна семья, но через несколько лет, с увеличением количества ее членов, малая семья превращается в большую семью — клановую самоуправляющуюся организацию. Всех членов клана связывает кровное родство. Поэтому в любом мероприятии, будь то взаимная помощь в случае бедствия, женитьбы или похорон, принимают участие все члены клана, начиная с близких родственников и кончая дальними. Поэтому мы и говорим, что клановая организация совершенно несомненно является результатом естественного развития»⁴⁷.

Сторонники другой точки зрения утверждали, что клан (цзунцзу) и нация (гоцзу) соотносятся между собой как два принципа организации общества — вертикальный и горизонтальный. Особенность социального строя Китая состоит в преобладании первого принципа. «Если попытаться предельно лаконично сформулировать источник всех бед Китая, то он заключается в том, что для китайца превыше всего — представление о его клане», — писал в 1940 г. один из деятелей китайской общины на Кубе⁴⁸.

Дискуссии, связанные с проблемой клановой организации в Китае и целесообразностью сохранения клановых обществ в рамках иммигрантских общин за его пределами, отражали объективные противоречия, существовавшие внутри этих общин. Однако тот факт, что вплоть до 50-х годов на Кубе продолжали появляться новые клановые объединения китайцев, свидетельствует о преобладании традиционных форм социальных связей в среде иммигрантов.

Китайская община в том виде, как она существовала на Кубе на протяжении первой половины XX в., представляет собой, таким образом, достаточно сложную структуру, отдельные элементы и уровни которой составляли в своей совокупности некую динамическую равнодействующую различных по своему характеру факторов. Решая в целом задачу консолидации китайских иммигрантов и в известной мере препятствуя процессу их ассимиляции, община достигала этого средствами, которые определялись уровнем этнического развития китайцев в целом. Преобладание традиционных социальных связей, вступавших в противоречие с объединением группы на чисто этнической основе, являлось следствием недостаточного уровня этнической консолидации китайцев в рассматриваемое время. Это не позволяет согласиться с выводом К. Фитцджеральда о том, что китайцы за рубежом представляют собой «в высшей степени единообразный и сплоченный этнос, являющийся, несмотря на то что он разделен морями и границами, одним народом с общим культурным населением»⁴⁹.

⁴⁶ КМГБ, 8.I.1937.

⁴⁷ ХВШБ, 27.I.1937.

⁴⁸ ХВШБ, 3.VII.1940.

⁴⁹ C. P. Fitzgerald. The third China. Canberra, 1965, p. 82.

**CLAN SOCIETIES OF CHINESE IMMIGRANTS IN CUBA
IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY:
TOWARDS THE PROBLEM OF THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF
TRADITIONAL SOCIAL INSTITUTIONS IN ETHNICALLY
ALIEN ENVIRONMENTS**

Characteristic of the structure of immigrant communities severed from their main ethnic area (and usually living under unfavourable conditions) is a resurrection of traditional social institutions: some of these emerge anew in the new environment, and that in a peculiar, transformed shape. In the case of Chinese communities in the countries of North and Latin America, imitative clan-type organizations are typical. The structure and functions of such associations are dealt with in the paper, the Chinese community in Cuba of the late 19th and the first half of the 20th century being cited as an example.

It is demonstrated by materials from the Chinese press published in Cuba during this period that such «clan» organizations uniting compatriots bearing the same surname served not only as a consolidating but, at the same time, as a desintegrating factor. The predominance among Chinese immigrants of clan self-identification as against an all-national self-consciousness is evidence that the process of the formation of the Chinese nation was not yet completed in the early 20th century.